

В ИСТОРИИ музыкального искусства нашего века, а может быть, в истории всей современной культуры, нет судьбы столь бурной, сенсационной.

Шостаковича называют летописцем эпохи: это относится к его музыке, сочинениям. Ростропович создавал такую летопись своим поведением, поступками. На родине он мало высказывался по поводу общественной жизни, о них не говорила его игра: на родине он действовал, его протест был конкретен, житейски как бы осязаем; таким образом в период несвободы он утверждал не только творческую, но прежде всего человеческую, личностную свободу, доказывая, что бесстрашие всегда возможно, реализуемо.

В этом был смысл того простого и, казалось бы, естественного факта, когда Ростропович дал приют бездомному человеку. Дал ему место для работы на своей подмосковной даче в поселке Жуковка, где это место было: в пустовавшем на краю участка домике.

Ничего особенного вроде не происходило. Просто сострадание. Рука, протянутая для помощи. Но человеком, принявшим помощь, был Александр Солженицын. И этого Ростроповичу не простили.

Его стали топтать. Унижения следовали одно за другим. Его не арестовывали, нет, в целях творческого убийства уже были выработаны другие, достаточно надежные приемы. Их успешно испытали не только на Ростроповиче: на Тарковском, Любимове, еще раньше — на Цветаевой, Ахматовой, Зощенко.

Ростропович долго терпел. Наделенный редкостным природным умом и проницательностью, наивно верил, что нужен отечественному искусству.

Он не знал за собой вины и, хотя смириться не мог, об эмиграции не помышлял.

Вспоминаю, как в начале 1973 года я навестила его по творческим вопросам, связанным с новой книгой о Шостаковиче. В квартире на улице Неждановой он только что завершил ремонт и с упоением рассказывал, как доставал стройматериалы, попивал водичку с рабочими, чтобы они получше трудились, как во время гастролей в Сибири раздобыл диковинный комод красного дерева с инкрустаци-

Вскоре он эмигрировал. Сперва один, с двумя виолончелями. Потом уехала семья: жена певица Галина Вишневская и дочери.

Эмиграцию он обусловил с осторожностью: как творческий отъезд на пару лет. Корни обрывать не хотел. Вера все-таки сохранялась.

Нельзя сказать, что Ростроповича на чужбине встретили восторги и ангажементы. Он сам рассказал впоследствии о мучительных днях, проведенных поначалу у друзей в Лондоне, о том, как в отчаянии

выбрал не самый лучший — Вашингтонский, чтобы вклад его — знак благодарности Америке за гостеприимство — был весомей, наглядней. Ему удалось расширить репертуар оркестра, привлечь видных композиторов, усилить струнные, медную группу, организовать эффектные выступления на различных торжествах, фестивалях.

Он продолжал с триумфом выступать как виолончелист. Галина Вишневская великолепно пела в оперных спектаклях, концертах. Обществен-

местья, заполняя их диковинными вещами вроде гардин, когда-то украшавших Зимний дворец.

Это было следствием не корысти, а своего рода азарта, энергии, темперамента. Сам-то он много ли бывал в этих жилищах? Жизнь проходила в самолетах, поездах, в гостиницах. Концерты, записи, спектакли — с неумной страстью к творческому обновлению. Жизнь только в труде как величайшем наслаждении, утешении.

Ностальгия не проходила.

новили в членах Союза композиторов, он по обыкновению пошутил: «А я и не знал, что меня из этого Союза исключали!»

Он ждал правды по отношению к себе, полного официального восстановления в советском гражданстве, возвращения всех прав.

Это произошло перед его приездом.

Его ждут на родине с любовью и восхищением. Как героя. После гастролей в Москве он приедет на два концерта в Ленинград — город, с которым в жизни Ростроповича многое связано. Здесь в Кронштадте родилась, провела юность и начала карьеру певица Галина Вишневская; здесь Ростропович преподавал в Ленинградской консерватории, организовал клуб виолончелистов. Ленинград — город Шостаковича, посвятившего Ростроповичу два виолончельных концерта: их премьеры тоже состоялись здесь.

Он будет дирижировать Восьмой симфонией Шостаковича и Пятой симфонией Прокофьева — исполнение отечественной музыки составляет главный смысл его деятельности, где бы он ни жил. Он будет специально играть для музыкальной общечеловечности города, для своих ленинградских друзей, которых никогда не забывал.

Шестнадцать лет, потерянных для родины! Как их возместить? Как сделать, чтобы величайший из живущих музыкантов современности снова непосредственно служил своей стране, ее искусству? Вот вопрос, который будет главным во время предстоящих гастролей Мстислава Ростроповича.

Софья ХЕНТОВА,
профессор, доктор искусствоведения

В ОЖИДАНИИ РОСТРОПОВИЧА

ями, и предлагал посидеть на атласном диване необычайной мягкости. С удивительной открытостью он рассказывал о трудностях воспитания дочек. Потом совсем помрачнел. Подошел к окну и, глядя в московскую даль, не оборачиваясь, сказал зло и жалобно: «Играть не дают. Дирижировать не дают. Даже в оперетте. Из Большого театра выгнали. Где играть? Вот ездил в Ашхабад, играл там Ноктюрн Чайковского: другое слушать не захотели».

Что можно было ему сказать? Только то, что его великому другу Шостаковичу было еще горше, но он выстоял. — Я ведь не композитор, — живо возразил Ростропович. — Я — артист и должен играть в залах, для людей. Не через год, а сегодня, завтра. Где мне играть?

Он говорил еще и еще, с огромной обидой, которую чувствовалось, не мог скрывать, держать в себе человек, не умевший и не желавший жить вне людей, в творческом заточении.

бродил по лондонским улицам и чуть не попал под автомашину, как одолжил у друзей деньги, чтобы застраховаться на случай, если погибнет. Трагическими были эти первые месяцы, пока не возродилась неутомимая энергия, предпримчивость и упрямое желание доказать себе и отвергшей его земле, что он силен, активен и в другом мире не пропадет. Он не считал возможным и правильным молчать. Говорил публично то, что думал. Называл вещи своими именами. Поддерживал диссидентов.

Советские официальные представители за рубежом пытались его урезонить. Когда не удалось, к нему пришли на парижскую квартиру, чтобы отобрать советский паспорт. Он не отдал. И хранил паспорт бережно, даже лишившись советского гражданства.

Америка, испокон веков вбировавшая таланты, приняла и его. Зная тягу Ростроповича к дирижированию, ему предложили художественное руководство в нескольких оркестрах. Он

ная жилка нашла за рубежом почву: он участвует во многих благотворительных начинаниях, строителстве культурных центров в Париже, Нью-Йорке, помогает медицине. Он продолжает неустанно пропагандировать русскую классическую и советскую музыку, в первую очередь творчество Шостаковича: ставит оперу «Катерина Измайлова» в первой редакции, считая вторую вынужденным компромиссом, как пианист участвует в премьере «Райка», дирижирует многими симфониями.

Ему нравится быть не только с коллегами-музыкантами. Он музицирует с английским принцем Чарльзом, внушая ему любовь к виолончели, играет у Маргарет Тэтчер, Рональда Рейгана, Арманда Хаммера.

Подросли дочери. Вышли замуж. И двое внуков оказались уже совсем американскими, и дед говорил об этом с иронической грустью: «Это «заслуга» Брежнева».

За работу щедро платили. Появилось много денег. Он покупал виллы, квартиры, по-

Выписывал и читал московские газеты. Радовался, если кто-то из приезжавших решался его навестить, как это сделал Евгений Евтушенко. Щедро помогал соотечественникам, не жалел времени на участие, хлопоты. Отзывчивость, тепление характера сказывались в игре, волновавшей глубокой душевностью и искренней простотой.

Отрыв от родины оставался неутраченной болью. Он ничего не прощал. Не стал доверчив к переменам. Не допускал компромиссов. Года полтора назад, позвонив по телефону, чтобы помочь в постигшей меня беде, он все-таки не мог не сказать о том, что, видимо, не уходило из его сознания: «Я не вернусь как чужак». И снова услышала о том же, когда сообщил, что дал концерт в помощь пострадавшим от землетрясения в Армении: «Пусть не считают, что я таким образом обращаюсь к властям. Нет и нет. Раз приглашают Вашингтонский оркестр, я приеду как его руководитель. Не больше». Узнав, что его восста-